

Лекция № 22. Тема: Философская герменевтика. Феноменология.

Структурализм и постструктурализм

План:

1. История герменевтики
2. Основные формы герменевтики
3. Ханс Георг Гадамер
4. Рикер Поль
5. Феноменология. Эдмунд Гуссерль
 - Феноменологическая редукция.
6. Структурализм
 - Теория знака
 - Структурная антропология
 - Язык как порождение смысла
 - Структурный психоанализ
 - Археология знания
7. Постструктурализм

1. История герменевтики

Герменевтика означает нечто, изложенное в тексте, выраженное на любом языке и истолкованное как само по себе, ясное для каждого. Изложение, выражение и истолкование опираются на понимание того, что излагается. Необходимостью прийти, хотя бы в принципе, к консенсусу относительно самих вещей и их понимания и занимается герменевтика.

В широком смысле герменевтика означает искусство истолкования текстов. Высказывания воспринимаются как выражение, во-первых, намерений говорящего, во-вторых, межличностных отношений, в-третьих, объективного положения дел. (А может быть, произнеся много слов, ничего не сказать.)

История герменевтики восходит к Древней Греции, где высоко ценилось умение ясно и понятно выражать свои мысли. Уже в диалогах Платона истолкование имеет двойной смысл: во-первых, соответствует вещи, во-вторых, доступно в понимании.

Аристотель в отличие от Платона опирается не на умозрительное знание – «эпистему», а на «фронезис» - практическое мышление. Знание в практической сфере приравнивается к пониманию. «Фронезис» - такое суждение, которое нельзя суммировать в правило. В герменевтике речь идет об упражнении в искусстве «фронезиса». Герменевтика является практикой понимания, где применяют и используют способности к суждению, этические намерения и любознательность.

В Средние века герменевтика развивается как экзегетика – комментирование Библии. Согласно религиозной герменевтике Священное Писание имеет чувственно-буквальное, отвлеченно-нравоучительное и идеально-мистическое значения. Отсюда усвоения читаемого происходит на трех уровнях: как звук, как понятие и как идея.

Русский религиозный мыслитель П. Флоренский настаивал на мистической характере общения: слово – это медиум не просто между

людьми, но между двумя мирами – видимым и невидимым. Само общение – это не обмен информацией, а прежде всего духовное общение, в котором слова имеют вторичное значение, которое может меняться в зависимости от глубины духовного проникновения в невидимую суть вещей.

Решающую роль для становления герменевтики в качестве самостоятельной дисциплины имела Реформация. В протестантской теологии она становится учением о методах интерпретации. В эпоху Просвещения на первый план выходит филологическая герменевтика, нацеленная на рациональную интерпретацию и истолкование культурных текстов.

Проблемы герменевтики исходно развивались в рамках отдельных наук: теологии и особенно юриспруденции, а затем истории.

В современном словоупотреблении герменевтика — термин греческого происхождения (разъясняю, истолковываю) употребляется в трех основных значениях: 1) теория и практика истолкования текстов; 2) течение в современной философии; 3) как методология «наук о духе», главной задачей которых является понимание — постижение смысла. Феномен понимания и правильного истолкования понятого не является только специальной методологической проблемой гуманитарных наук («наук о духе»), а оно относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом.

2. Основные формы герменевтики

1. Теологическая герменевтика возникла из необходимости самозащиты реформационного истолкования Библии от нападков католических теологов. Может быть догматической или критической (например, критика Библии Спинозой).

2. Филологическая герменевтика как теоретически обоснованное и методически выверенное истолкование текстов уже была достаточно разработана в XVIII веке. Пример филологической герменевтики — перевод с одного языка на другой.

3. Юридическая герменевтика, суть которой — толкование правового смысла того или иного действующего закона применительно к конкретным условиям, данному случаю.

4. Универсальная (философская) герменевтика, где проблемой становится понимание как таковое, а сама герменевтика представляет собой универсальный аспект философии, а не просто методологический базис т. наз. «наук о духе».

Основы герменевтики как общей теории интерпретации заложены немецким философом Ф. Шлейермахером в конце XVIII — начале XIX в. У него герменевтика мыслится прежде всего как искусство понимания чужой индивидуальности, «другого», выражения воплощенной индивидуальности. В. Дильтей развивал герменевтику как методологическую основу гуманитарного знания. С его точки зрения герменевтика есть искусство истолкования литературных памятников, понимания письменно зафиксированных проявлений жизни.

В XX веке герменевтику развивали М. Хайдеггер, Х. Гадамер (онтологическая герменевтика), П. Рикер (гносеологическая герменевтика),

Э. Бетти (методологическая герменевтика) и т.п. Крупнейший вклад в разработку философской герменевтики внес немецкий философ Х. Гадамер.

3. Ханс Георг Гадамер

Гадамер Ханс Георг (р. 1900) — основоположник философской герменевтики. С 1939 г. — профессор философии в Лейпциге, в 1946—1947 гг. — ректор Лейпцигского университета, с 1949 г. — профессор философии в Гейдельберге.

Основные работы: «Истина и метод». М., 1988; «Актуальность прекрасного». М., 1991.

В сжатой форме ее суть он выразил в следующей форме: Фундаментальная истина герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один. Всемерно поддерживать диалог, давать сказать свое слово и инакомыслящему, уметь усваивать произносимое им — вот в чем душа герменевтики. В качестве наиболее важных выделим следующие основные философско-методологические идеи Гадамера.

Считая «большим ослеплением» фактическое абсолютизирование идеала науки и ее методов, он пытался примирить философию с наукой, показать ее условия и границы «во всеобщности человеческой жизни», «перешагнуть» ограниченный горизонт интересов научно-теоретического учения о методе.

Научно-теоретическое освоение мира — лишь одна из возможных позиций человеческого бытия, а истина познается не только (и не столько) с помощью научного метода. Важнейшими вненаучными способами раскрытия истины являются искусство, философия и история.

Важной особенностью гуманитарных наук, согласно Гадамеру, является то, что их предметом является нечто такое, к чему принадлежит с необходимостью и сам познающий. А это означает, что эти науки не могут и не должны механически копировать методологию естествознания.

Однако, философ подчеркивает, что гуманитарные науки («науки о духе») имеют свою специфику, свои способы постижения мира, и на самом деле они далеки от того, чтобы чувствовать свою неполноценность относительно естествознания. Хотя в социальном познании можно и нужно применять методы естественных наук (например, индуктивный метод), но делать это надо очень осторожно, а главное — учитывать особенности предмета гуманитарного знания (в частности, включенность туда «самого познающего»). Фундаментальной характеристикой человеческого бытия и мышления Гадамер считает «историчность»: определенность местом, временем, конкретной ситуацией, в которой человек себя застает.

Согласно Гадамеру, действительность не только теоретически познается научными средствами, но и жизненно-практически «испытывается» человеком, поэтому у него часто речь идет не о познании, а об опыте мира. Последний включает в себя и непосредственность переживания («опыт жизни»), и различные формы практического и эстетического опосредования реальности («опыт истории», «опыт искусства», «опыт философии»). Тем самым, «опыт науки» — отнюдь не единственный вид опыта, а последний

есть совокупность своих видов, ни один из которых недопустимо сводить к научному опыту, а тем более абсолютизировать его.

Означает ли, что при рассмотрении трех названных вне научных способов постижения мира здесь не применимы понятия «познание» и «истина»? Нет, не означает. В этой связи Гадамер в критической оппозиции позитивистски-сциентистскому направлению современной философии стремится показать несводимость истины к тому ее понятию, которое сложилось в рамках новоевропейской науки. Истина не есть характеристика познания, а характеристика самого бытия. Она не может быть «схвачена» с помощью метода, а может лишь приоткрыть себя понимающему осмыслению. Истина «свершается», и преимущественный способ ее «свершения» — искусство.

Важнейшая заслуга Гадамера — всесторонняя и глубокая разработка ключевой для герменевтики категории понимания. Понимание для него — способ существования познающего, действующего и оценивающего человека. Понимание — это не только познание, а универсальный способ освоения мира («опыт»), оно неотделимо от самопонимания интерпретатора и есть процесс поиска смысла («сути дела»). Понимание невозможно без предпонимания, оно — предпосылка связи с миром. Беспредпосылочное мышление — фикция. Потому понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстоит нам как что-то абсолютно загадочное. Тем самым, предметом понимания, по Гадамеру, является не смысл, вложенный в текст автором, а то предметное содержание («суть дела»), с осмыслением которого связан данный текст.

Гадамер в своей философской герменевтике хочет связать в новом синтезе «речь» и «логос», герменевтику и диалектику. Вместе с тем он указывает, что хотя герменевтика признает «диалектическое превосходство рефлексивной философии», но видит границы последней — при всех ее несомненных достижениях. Он очень высоко ценит диалектические идеи Платона и Гегеля, считая, в частности, что диалектика Гегеля была и осталась величественной даже в своей неудаче и что думать, будто в наш век сциентизма нам нечему поучиться у Гегеля, — это «большое заблуждение». Заслугу Гегеля немецкий философ видит в том, что, разрабатывая диалектику рефлексии как всеобщее опосредование разума, он резко выступил против формализма, софистики, пустой аргументации рассудка, называемой им «внешней рефлексией».

Для Гадамера характерно всемерное подчеркивание диалогического характера философской герменевтики как логики вопроса и ответа, как своеобразной философии понимания. Диалог (беседу) он считает — вслед за Сократом и Платоном — основным способом достижения истины в гуманитарных науках. Всякое знание, по Гадамеру, проходит через вопрос, причем вопрос труднее ответа (хотя часто кажется наоборот). Поэтому диалог, т.е. вопрошание и ответствование, есть тот способ, которым осуществляется диалектика.

Согласно Гадамеру, понимание человеком мира и взаимопонимание людей осуществляется в «стихии языка». Последний рассматривается как особая реальность, внутри которой человек себя застаёт. Язык — носитель традиции, понимания. Тем самым процесс постижения смысла, осуществляемый в понимании, происходит в языковой форме, т.е. весь этот процесс есть процесс языковой. Язык есть та среда, в которой происходит процесс взаимного договаривания собеседников и обретается взаимопонимание по поводу самого дела. Такое взаимопонимание и достигается «на путеводной нити языка». И языковая структура нашего опыта мира способна охватить самые многообразные жизненные отношения.

5. Рикер Поль

Один из крупных представителей современной герменевтики — Рикер Поль (р. 1913) — французский философ, представитель религиозной феноменологической герменевтики. Профессор университетов Страсбурга, Парижа, Чикаго. Основные работы: «Герменевтика. Этика. Политика». М., 1995; «Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике». М., 1995; «Герменевтика и психоанализ. Религия и вера». М., 1996.

Рикер исходит из того, что проблема личности является фундаментальной в философии. При исследовании этой проблемы он опирается на свою философскую позицию, которую характеризует тремя чертами: она продолжает линию рефлексивной философии, остается в зависимости от гуссерлианской феноменологии и разрабатывает герменевтический вариант этой феноменологии.

Герменевтика, согласно Рикеру, — это этап в работе по присвоению смысла, этап между абстрактной рефлексией и конкретной рефлексией, это выявление мышлением смысла, скрытого в символе. «Глубинным» он считает следующее требование герменевтики: всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит тот или иной текст, и самим интерпретатором. Явно или неявно всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через другого. Поэтому под герменевтикой Рикер понимает теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов. Тем самым, слово «герменевтика» означает, по его мнению, не что иное, как последовательное осуществление интерпретаций, причем — и это важно — многообразных интерпретаций до их конфликта.

Рикер различает понятия «интерпретация» и «понимание». Последнее есть искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение (жесты, позы и особенно речь). Поэтому, считает французский философ, слово «понимание» следует закрепить за общим явлением проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения. А слово «интерпретация» необходимо, по его мнению, употреблять по отношению к пониманию, направленному на зафиксированные в письменной форме знаки.

Подводя «эпистемологический итог» своим рассуждениям о соотношении «понимания» и «интерпретации», Рикер подчеркивает, что не

существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами. Опосредованием знаками устанавливается изначальная языковая предрасположенность любого человеческого переживания. Самый короткий путь Я к самому себе, считает французский мыслитель, — это речь другого, позволяющая мне проскочить открытое пространство знаков.

Под опосредованием символами Рикер имеет в виду обладающие двойным смыслом выражения в традиционных культурах, связанные с именами космических «элементов» (огня, воды, воздуха, земли и т.д.), их «измерений» (высота и глубина и т.п.). Это — «окольный путь» к пониманию Я через богатство символов, передаваемых через культуры.

Интересные соображения Рикер высказывает по проблеме соотношения понимания и объяснения. Прежде всего он отмечает, что познание не следует отождествлять с пониманием. Последнее, по его мнению, имеет интуитивную основу по причине изначального родства между интерпретатором и тем, о чем говорится в тексте. В этой связи Рикер «борется на два фронта»: с одной стороны, он отвергает иррационализм непосредственного понимания, с другой — усиленно отвергает рационализм объяснения, применяющий к тексту структурный анализ знаковых систем.

Двум этим «односторонним установкам» французский философ противопоставляет «диалектику понимания и объяснения». При этом понимание он трактует как способность воспроизводить в себе работу структуризации текста, а объяснение — как операцию второго уровня, срастающуюся с пониманием и состоящую в прояснении кодов, лежащих в подоснове этой работы структуризации, в которой соучаствует читатель. Тем самым, диалектика понимания и объяснения «работает» на уровне имманентного смысла текста.

Таким образом, суть указанной диалектики Рикер видит в том, что понимание предполагает объяснение в той мере, в которой объяснение развивает понимание. Это «двойное соотношение» Рикер резюмирует в девизе: «больше объяснять, чтобы лучше понимать». Причем приоритетным в этом соотношении он считает понимание, поскольку оно не перестает предварять, сопутствовать и завершать объяснительные процедуры.

5. Феноменология. Эдмунд Гуссерль

Феноменология – одно из главных философских направлений XX в., ее основоположник – немецкий философ Эдмунд Гуссерль (1859-1938). Его основные произведения: «Логические исследования», «Формальная и трансцендентальная логика», «Опыт и суждение» и др. После смерти Гуссерля осталось около 30 000 страниц скорописи, поэтому до наших дней продолжают выходить его книги. До 2004 года вышло 38 томов. Никто из философов прошлого века не может с ним сравниться по плодовитости.

К этой философской школе причисляют: М. Хайдеггера, М. Шелера, М. Мерло-Понти, А. Шюца, П. Рикера.

Кризис европейского человечества

В середине 1930-х годов, фашизм, угрожавший народам, в том числе и Гуссерлю лично, заставил его обратиться к причинам, сделавшим

возможность его появления. В 1935 году в Вене он читает доклад «Кризис европейского человечества и философии». Он считает, что кризис европейского человечества напрямую связан с кризисом наук. Упадок коренится в приключениях духа. Чтобы понять это, нужно раскрыть телеологический смысл европейского человечества – т.е. выяснить внутреннюю духовную цель европейской истории. При этом Европа толкуется как духовное понятие.

Духовная цель Европы, ведущая ее к идеальному образу жизни, – бесконечная идея, родившаяся в Древней Греции, которой не было аналога ни в Китае, ни в Индии. Философы Древней Греции открыли идею как духовное бытие, в корне отличное от эмпирических вещей, вечное, неизменное. Продукты науки надвременны, они не портятся и обладают непреходящей истинностью. Философия создает новый, не существовавший ранее вид практики – критику культуры, человеческих ценностей и целей, чтобы силой универсального разума привести людей к нормам истины во всех сферах жизни.

Однако на путях истории европейский разум заблудился, слишком увлекшись миром вещей, физических отношений, словом объективностью. Дух оказался сведен к математизированной физике, которая игнорирует качества вещей и их смыслы. Современная наука теряет всякую связь с человеческой жизнью, с субъектом, а ведь именно в сознании субъекта коренится и сам «субъективизм» как принцип познания. Попытка относиться к субъекту естественнонаучно не может увенчаться успехом. Объективной науки о духе быть не может! Дух самодостаточен и независим, к нему нельзя применять эмпирических мерок. Разум должен от наивной обращенности во вне вернуться к самому себе. У европейского кризиса два выхода: либо ненависть к духу и варварство, либо возрождение в духе философии.

Вышедшая после смерти Гуссерля в 1954 году работа *«Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»* он подверг критике тенденции развития науки и научно-ориентированной философии. Таким образом весь мир человеческих интересов и ценностей остается за бортом науки.

При существующем отношении к миру его центром избирается или материя, или Бог, или определенный закон, т.е. человеческой деятельности заранее положен предел, по достижении которого она обречена на повторяемость. Науки об обществе и человеке тоже соблазнились успехами естествознания, берут на вооружение «объективные» математические методы исследования, и человек начинает рассматриваться так, как если бы это была вещь наряду с другими вещами и предметами объективного мира. Науки, оторванные от своей подлинной основы – непосредственных человеческих интересов, являются догматичными и потому беспомощными против скептицизма.

Рациональность современной науки, полагает Гуссерль, сродни рациональности египетских пирамид. Наука ничего не дает нам в наших главных жизненных нуждах, не спасает от социальных кризисов и

катаклизмов, к тому же сама подвержена периодическим кризисам, сотрясающим ее до основания.

Гуссерль говорит о кризисе Европы, который коренится в заблуждениях рационализма. Ведь окружающий нас мир – духовное явление, и рассматривать природу окружающего мира как нечто в себе, чуждое духу, абсурдно. Рационалистическая тенденция в развитии естествознания *приводит к замене отношения между природой и человеческим познанием отношением между чистой, априорной математикой пространственно-временных образов и индуктивной, прикладной математикой, т.е. естествознанием.* Любая другая попытка исследования отклоняется как метафизическая. Наука пытается даже духовный мир человека и его нравственные ценности – благо, добро, Бог перевести на математический язык.

Одной из причин, порождающих кризисы науки, Гуссерль считает установку науки на внешний, объективный мир, чтобы преодолеть этот догматизм нужно вернуться к внутренним, скрытым истокам наших понятий, суждений, теорий, мировоззрений; внешнее рассмотрение природы должно быть опосредованно рассмотрением жизни сознания.

С точки зрения Гуссерля, возможна только одна дилемма: или объективистская наука на почве признания мира безотносительно к человеку, или трансцендентальная феноменология, которая понимает мир исключительно как продукт субъективности. Всю дальнейшую жизнь Гуссерль пытался построить новый тип научности, для этого он хотел преодолеть наивную установку человека по отношению к миру, показать всю значимость и всю глубину деятельности человеческого духа, дать новую и подлинную интерпретацию рациональности. «Именно это отсутствие истинной рациональности, - полагал Гуссерль, - и является источником той уже невыносимой непроясненности, какую испытывает человек по отношению к своему собственному существованию и его бесконечным задачам. Эти задачи объединены в одну: только если дух вернется от наивного отношения к самому себе, пребывая при себе и только при себе, он может стать самодостаточным». (Кризис европейского человечества и философия. Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 325-326)

Феноменологическая редукция.

Гуссерль считает, что настоящая истина – не выводима из фактов, абсолютна, вневременна, ее нельзя путать с актом истинного суждения или с переживанием. Истина дается в особом переживании – в очевидности. Достоверные истины, на которых покоится наука, даны нам с очевидностью: непосредственно, ясно и отчетливо. Но такую полную очевидность никогда не может дать эмпирическое созерцание внешнего мира, она возникает только при обращении к сознанию, где то, что мыслится, полностью совпадает с тем, что есть. Такая очевидность противоположна сомнению, она уверенность. Но как достигнуть очевидности, как достичь структур чистого сознания, связанных с вечными истинами?

Гуссерль предлагает философу покинуть «естественную установку сознания», при которой мы обращены к эмпирическому внешнему миру, совершить «феноменологическую редукцию» (эпохе). Эпохе – некая духовная аскеза, насилие над обычным мировосприятием, «поворот очей внутрь». Она подобна религиозному обращению: обычные суждения и чувства, отношения, расположенные в пространстве и времени, даже собственное Я «заключается в скобки» - не рассматривается. Внешний мир становится феноменом чистого сознания, а Я приобретает трансцендентальную субъективность (чистое, безличное Я, лишенное всякой индивидуализации). Мы отказываемся от личных ментальных конструкций, при помощи которых люди пытаются понимать мир. Только после этого откроются сами вещи – структуры чистого сознания, определяющие истинное знание. Такое сознание всегда активно, направлено на внутренний предмет; суждение – всегда суждение о чем-то; восприятие – восприятие чего-то. Сознание и полагает свой предмет и относится к нему, это свойство сознания Гуссерль назвал интенциональностью.

Поскольку сознание относится определенным образом к полагаемому предмету, оно создает смысл (значение). Смысл есть отношение, поэтому он не равен ни самому предмету, ни образу, ни чувству, ни логической структуре высказывания. Мир чистого сознания – это мир смыслов.

Феномены – единства идеального предмета и смысла, существующие в чистом сознании. Они отличаются от явлений тем, что за явлениями есть еще «сущность», а за феноменами нет, они «сами себя через себя показывают», сами себя исчерпывают, они очевидны. Гуссерля не интересует языковая оболочка феноменов, его волнует то, где коренятся смыслы, какова структура их образования, как они полагаются (ориентация на действительное).

Сознание – это поток феноменов, который преддан нам до всякой рефлексии и выступает как целостность. Феномены – элементы потока переживаний и тоже целостность. Идя путем созерцания, мы открываем деятельную сущность сознания: оно конституирует смыслы, которые мы придаем действительности. Каждый человек сам и только сам может придать смысл тому, что происходит. Существует как бы запрет на получение смысла извне. Феномены не подчинены причинным связям, их связи смысловые. Они позволяют нам избавиться от натуралистических иллюзий и от навязанных извне интерпретаций. Это говорит, во-первых, о том, что сознание – это сфера свободы, сфера «иначе-действия», непредсказуемая заранее, а во-вторых, это означает, что сознание мы можем только описывать. Метод феноменологии – дескриптивный метод, метод описания. Сознание – «гераклитов огонь», оно не укладывается в жесткие понятийные формы, отсюда – огромная важность выбора языка, способного передать в описании все переливы живого сознания.

В 1920-1930 гг. Гуссерля занимали проблемы соотношения суверенной субъективности (солипсизм) и мира, солипсизма и релятивизма (относительности), вопрос об объективности знания. Он осознает

фундаментальное противоречие своей концепции: с одной стороны мир – продукт развертывания субъективности, приписывающей всему смыслы; с другой стороны, люди способны каким-то образом понимать друг друга. Поэтому возникают задачи уяснения следующих вопросов:

1. Как конституируется для нас целостность мира?
2. Как создается целостность самого сознания, если оно поток?
3. Как возможно существование «объективного мира», где мы взаимодействуем с Другими – носителями иных смыслов?

Гуссерль дает ответы на эти вопросы, в суть которых у нас нет времени вникать.

6. Структурализм

Материалистическим направлением в науках о человеке и обществе, которое нашло замену понятию «дух» понятию «язык» явился структурализм.

Структурализм, как совокупность направлений в целом ряде наук (лингвистика, литературоведение, этнография, история, эстетика, искусствоведение, психология, социология, философия), объединяемых общими философско-эпистемологическими представлениями, методологическими установками и спецификой анализа, складывался в период с начала XX века и по 40-е годы включительно. Наибольшее распространение получил в 60-е годы во Франции.

Основная специфика структурализма заключалась прежде всего в том, что его сторонники рассматривали все явления, доступные чувственному восприятию, как «эпифеномены», то есть как внешнее проявление («манифестацию») внутренних, глубинных и поэтому «неявных» структур, вскрыть которые они и считали своей задачей.

В решении этой задачи весь пафос структурализма был направлен на придание гуманитарным наукам статуса наук точных. Отсюда его стремление к созданию строго выверенного, точно обозначенного и формализованного понятийного аппарата, широкое использование лингвистических категорий, тяга к логике и математическим формулам. Поэтому структурализм возникает прежде всего как комплекс структурно-семиотических представлений с явно выраженной лингвистической ориентацией.

Центральным базовым понятием структурализма является понятие структуры. Любая структура, которую в структурализме очень часто определяют как модель, должна отвечать трем необходимым условиям: (а) целостности — подчинение элементов целому и независимость последнего; (б) трансформации — упорядоченный переход одной подструктуры (или уровня организации составляющих данную структуру элементов) в другую на основе правил порождения; (в) саморегулированию — внутреннее функционирование правил в пределах данной системы. Таким образом, структура выступает не просто в виде устойчивого «скелета» объекта, а как совокупность правил, следуя которым можно из одного объекта получить второй, третий и т.д.

Теория знака

Теория знака наиболее последовательно была разработана пионером структурализма в лингвистике швейцарским языковедом Фердинандом де Соссюром (1857—1913). Соссюр рассматривал язык как универсальную знаковую систему, имеющую вследствие этого четко выраженную структуру. Знак представляет собой некое целое, являющееся результатом ассоциации означающего (акустического образа слова) и означаемого (понятия). Означающее и означаемое неотделимы друг от друга как две стороны бумажного листа (мысль — его лицевая сторона, а звук оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную). Кроме того, язык носит коллективный характер и коммуникативен по своей природе. Отсюда и представление о языке как совокупности правил или ограничений, обеспечивающих функционирование речевой деятельности естественного языка или любой знаковой системы. То есть, код обеспечивает коммуникацию.

Структурная антропология

Леви-Стросс Клод (р. 1908) — французский этнограф и социолог, член Французской академии, создатель структурной антропологии; профессор университета в Сан-Паулу (1935—1938 г.). Основные работы: «Тотемизм сегодня» (1962); «Структура мифов» (М., 1970); «Печальные тропики» (М., 1975); «Структурная антропология» (М., 1983); «Первобытное мышление» (М., 1994).

С именем этого представителя структурализма связан радикальный прорыв в изучении примитивных культур. Переход от природно-инстинктивного к примитивно-культурному человеку совершается по Леви-Строссу через запрет инцеста — схему, общую для всех культур. Вырастающие из запрета инцеста отношения между людьми образуют исходную социокультурную организацию (структуру), регулирующую практику. Структура родства, выражающая сдерживаемое либидо, образует либидинальное тело культуры. По мнению Леви-Стросса, это объективный и необходимый процесс, трансформирующий естественно-инстинктивную сферу человека в новое качество.

Выделение основных этапов развития рационального мышления Леви-Стросс осуществил на материале анализа мифов. В мифологическом мышлении, по его мнению, скрыта объективная логика отношений между предметами, схваченная суждениями и закреплённая в терминах. Логические операции, обозначенные этими терминами, создают своеобразную комбинаторику как бессознательное мышление и основу технических способностей человека. Таким образом, глубинная логика созидательной деятельности формировалась уже в примитивных культурах и является единой для древнего мира и современного человека. Исходя из этого Леви-Стросс приходит к выводу, что все человечество связано единой структурой бессознательного, породившей в различных условиях отличные, лишь на первый взгляд, этнические и национальные культуры.

Леви-Стросс по новому прочитывает мифы. В мифологических сюжетах он усматривает не столько отражение истории каких-либо этносов,

сколько специфический способ снятия фундаментальных противоречий человеческого бытия (например, противоречия жизни и смерти), через умножение бинарных оппозиций, ранее взятых мышлением из окружающей действительности. Очищая отдельные реальные эпизоды от историчности и конкретности, мифологическое мышление не только «амортизирует» тяжелые жизненные события того или иного этноса, но и поднимается на вневременную высоту, открывающую возможность для человеческого мышления постигать глубочайшие отношения человека и Вселенной.

Язык как порождение смысла

Барт Ролан (1915—1980) — французский литературовед и семиолог. Ролан Барт исходил из леви-строссовской посылки о созидании структур культуры силой символизирующей функции сознания, реализующейся в языке и исследуемой как язык. Язык является единственной возможностью понимания любых явлений, в том числе и смыслов социальных структур. По мнению Барта все, что есть в социальной действительности, начиная от социальных систем и до совокупности различных предметов, имеет языковую основу, поскольку когда-то было, как то названо, обозначено.

В контексте культуры как языка Р. Барт исследует и проблемы коммуникации. Главный вопрос — это вопрос взаимодействия индивидуального (личного поступка, действия, высказывания, одним словом речи) и коллективного (языковой структуры не индивидом созданной и его сознанию не открытой). Разрешение этой оппозиции приводит Барта к понятию письма, понимаемого как диалектическое отношение коллективного с его обязательными кодами (язык) и индивидуального с импульсами бессознательного (речь). Письмо, порождаемое взаимодействием языка и речи, превращает культуру в текст, внутри которого действуют различные семантические системы.

Структурный психоанализ

Лакан Жан (1901—1981), французский теоретик и практик структурного психоанализа. Основные научные интересы Ж. Лакана были сконцентрированы на рационализации бессознательного, на выяснении роли бессознательного в жизни отдельного человека. Наиболее показательным в этом отношении его учение о личности, построенное в своей значительной части на материалах психоаналитических практик. Личность, по Лакану, состоит из трех слоев: реального, воображаемого и символического.

Реальность актуализируется, по его мнению, только через серии языковых обнаружений. Исходя из того, что не больной (пациент психоаналитика) управляет речью, а речь управляет субъектом в случае болезни, Лакан конструирует слой реального в личности как причину поведения, выраженную в форме языковых эффектов.

Лакан уходит от пансексуализма З. Фрейда и связывает бессознательное с историческими порядками социума и культуры. «Окультуренное» таким образом бессознательное не только формирует мышление человека, но и определяет его судьбу. Поэтому «структурный психоанализ» это не практикотерапевтическое, а культурное явление, ибо он

нацелен не на выздоровление, не на избавление от страданий (они необходимый элемент человеческой жизни), а на языковую проработку словесных, дискурсивных обнаружений человеческой судьбы.

Археология знания

Фуко Мишель (1926—1984)— французский историк, философ, теоретик литературы. Преподавал в университетах Парижа, Клермон-Феррана, Варшавы, Уппсалы, Гамбурга и др. С 1970 г. — профессор в Коллеж де Франс.

М. Фуко предпринял попытку создать особую дисциплину «археологию знания», предметом которой должны были стать исторически изменяющиеся системы мыслительных предпосылок познания и культуры.

Фуко выделяет три скачкообразно сменяющие друг друга эпистемических образования в европейской культуре: Возрождение (XV—XVI вв.), классический рационализм (XVII—XVIII вв.) и современность. Такой подход к истории делал сомнительным творческий потенциал субъекта и его значение для познания, и культуры. Но это была сознательная установка Фуко, отвергающего подход к творчеству как проявлению особенностей психики или биографии. Автор, по его мнению, лишь выражение некоего единства в дискурсе, статус этого дискурса внутри общества и культуры. На более высокой ступени, считал Фуко, стоят те, кто создает нечто большее, чем собственные тексты, а именно, правила и возможности формирования текстов. К таким «основателям дискурсивности» он относил Фрейда и Маркса. В трехтомной «Истории сексуальности» он исследует историю и механику сопряжения секса и греха.

7. Постструктурализм

Общеввропейский кризис рационализма в конце 60-х годов привел к очередной смене парадигмы научных представлений, в результате чего структурализм был вытеснен на периферию исследовательских интересов. Как идейное течение философской и социогуманитарной мысли постструктурализм своим возникновением обязан таким изменением в духовной культуре Запада, как: падение престижа науки, углубление процесса дегуманизации отношений в обществе, потеря веры в социальный прогресс общества. Эти изменения имели под собой вполне реальную почву, сделавшую бытие человека в конце XX столетия зыбким, случайным и негарантированным.

Недоверие к целому, к единству, к универсальному знанию, иными словами, ко всему, что отягощено монизмом, абсолютизировало части, фрагментарность, различия, индивидуации, сингулярности. В постструктурализме все равноправно, одинаково важно и равноценно, а точнее не имеет смысла. Здесь теряет смысл традиционный категориальный аппарат, выстроенный по принципу диалектической оппозиции: сущность — явление, форма — содержание, причина — следствие и т.п.

Постструктурализм в целом можно определить как общеметодологическую основу, на базе которой выстраивается множество концепций (постмодернизм, децентризм, деконструктивизм и т. д.),

отличающихся лишь исследовательскими приоритетами и имеющими выраженный практический характер анализа, нацеленный на изучение литературы, языка, культуры, так как все опошляется и проникается цинизмом. Поэтому целесообразно изложить основные идеи постструктурализма, не пытаясь их классифицировать или типологизировать.

Постструктурализм, являясь естественным продолжением изначально присущих структурализму тенденций, как теоретическое движение развивается в форме критики структурализма, которая ведется по четырем основным направлениям: (а) проблема структурности; (б) проблема знаковости; (в) проблема коммуникативности; (г) проблема целостности субъекта.

Критический пафос постструктуралистов выразился прежде всего в радикальной оппозиции к «метафизике», в которую они включали какие бы то ни было попытки рационального объяснения и обоснования действительности, принципы причинности, истинности, идентичности и т.п. Отсюда крайний негативизм в отношении ко всему, что так или иначе связано с рациональностью, начиная от концепции «универсализма» и кончая любым объяснением, в основе которого лежит логическое обоснование закономерностей действительности.

Всякое позитивное знание (истины, убеждения, ценности), принимаемое или принятое в обществе, по мнению постструктуралистов, служит инструментом самооправдания и самоузаконивания этого общества и должно быть подвергнуто разрушительной критической работе, исходящей из принципа "эпистемологического сомнения". Обратной стороной такой позиции, естественно, оказывается тяготение к иррационализму, фрагментарности, случайности, нестабильным процессам, к любым противоречивостям, релятивизму.

Одним из фундаментальных предметов постструктуралистских инвектив стала критика принципа «структуры структурности», наиболее последовательно осуществленная в исследованиях Ж. Деррида.

В противовес понятию структуры, представляющей собой жестко систематизированный, иерархически упорядоченный принцип организации природных, культурных, социальных и научных явлений, французские постструктуралисты Ж. Делез и Ф. Гваттари вводят понятие ризомы, заимствованное ими из ботаники. Сам термин «ризома» обозначает способ жизнедеятельности многолетних травянистых растений типа ириса; в узком смысле ризома — это подземный горизонтально расположенный корешок таких растений, пускающий корни снизу и дающий покрытые листьями побеги сверху. Эти беспорядочно переплетенные отростки и побеги растут во всех направлениях. Ризома, следовательно, не имеет единого корня, связующего центра. Это непараллельная эволюция совершенно разнородных образований, происходящая не за счет дифференциации, членения, разветвления, а благодаря удивительной способности перепрыгивать с одной линии развития на другую, исходить и черпать силы из разности потенциалов.

Постструктуралисты постоянно противопоставляют ризому и дерево как два совершенно разных способа мышления. Дерево имеет единство в виде корня, ствола и ветвей, у него есть верх и низ, прошлое и будущее, единая, целостная история, эволюция и развитие. Дерево — символ власти, научные школы организованы древовидно. Мораль, религия, политика тоже деревообразны.

Ризома, в отличие от дерева, с точки зрения постструктуралистов, «парадигматически» более соответствует современному положению действительности. Для постструктурализма понятия центр, целостность, единство, тотальность по содержанию синонимичны. Поэтому ризома заполняет все трещины, разломы, пустоты и бреши человеческого бытия. Она не знает границ, какими бы; — естественными или искусственными — они ни были.

Мыслить по-современному — значит мыслить ризомно, то есть мыслить в вещах, среди и между вещей. Мыслить ризомно — значит понимать, что история человеческой жизни, социальной реальности, познания, культуры дискурсивна; она прерывается, ломается, рвется, пускает новые корни в самых неподходящих местах, движется множеством разных, не связанных друг с другом линий, она полицентрична и плюралистична, вся в микроскопических прожилках становления, без определенного объекта, с массой индивидуальных агентов.

Отвергаются все бинарные оппозиции: половозрастные (мужчина — женщина, дети — взрослые), расовые (черные — белые), классовые (общественный — частный), познавательные (субъект — объект, образный — понятийный, истинный — ложный) и т.д. Никаких противоположностей — только равноправное разнообразие.

Ризомное мышление породило теорию шизофренического дискурса — языка, отвергающего общепринятую логику и причинно-следственные связи, языка абсурда и парадоксальности, свойственного подлинно творческим людям (писателям, поэтам, художникам) и социально отверженным (безумцам, больным, преступникам), которые в глазах «больной цивилизации» неизбежно выглядят «шизоидными личностями».

Особый негативизм у постструктуралистов вызывает, обоснованное Соссюром, господство устной речи над письменной. Устная речь создает «ложное представление о естественности связи означающего (акустического образа слова) с означаемым (понятием о предмете), так как она не учитывает интенциональной направленности сознания, воспринимающего мир по своим имманентным законам и представлениям, и роли культурного контекста.

Критика теории коммуникативности сконцентрировалась на выявлении трудности или невозможности адекватно понять и интерпретировать текст. Эти и многие другие аргументы критиков теории коммуникации вобрало в себя ключевое для постструктурализма понятие смысловой «неразрешимости» как одного из принципов организации текста.

Самосознание субъекта есть лишь совокупность различных текстов, воспроизводящих мир культуры. Итогом таких рассуждений стало представление о «смерти субъекта».

Литература

1. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1999.
2. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987.
3. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 2001.
4. *Леви-Строс К.* Мифологии: В 4 т. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб., 1999.
5. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
6. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика, Поэтика. М., 1989; 2-е изд. 1994
7. Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
8. *Автономова Н. С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977.